

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О. С. АХМАНОВА, И. Е. КРАСНОВА
О МЕТОДОЛОГИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Изучение методологических вопросов приобретает особую важность в связи с обострившейся в последнее время идеологической борьбой в общественных науках вообще и в языкознании в частности. Большое распространение получил субъективистский сциентизм, который, исходя из наукоучения Э. Гуссерля, ищет средства сделать «научными» все сферы человеческой жизни и даже пытается представить дело таким образом, будто мировоззренческие, идеологические вопросы не имеют отношения к частным, конкретным проблемам, рассматриваемым той или иной наукой, т. е. фактически лишает науку ее социально-общественной значимости. Такие попытки противопоставить «объективные» конкретно-научные исследования их философскому, «идеологическому» (и потому якобы произвольному и субъективному) осмыслению, по существу, являются завуалированным выражением борьбы против марксистско-ленинского мировоззрения. Оттого, что эта борьба принимает скрытые формы, она не становится ни менее опасной, ни менее острой. Напротив, в наши дни приобретает особое значение завет В. И. Ленина о необходимости хранить чистоту марксистской идеологии: по словам В. И. Ленина, только сознательный сторонник диалектического материализма может выдержать борьбу против натиска чуждых нам идей¹. Поэтому советские ученые, отчетливо осознавая, сколь опасными последствиями чреваты попытки лишить науку философско-мировоззренческих аспектов, ведут с подобными тенденциями непримиримую борьбу. Примером такой борьбы, ведущейся с позиций диалектического и исторического материализма, могут служить выступления советских философов на XV Всемирном философском конгрессе².

Идеологическая борьба, о которой идет речь, может по-разному проявляться в различных общественных науках. В частности, в языкознании она может выражаться в попытках оторвать науку о языке от филологии как науки, изучающей духовную жизнь и культуру народа преимущественно в словесном ее выражении. Такое противопоставление языкознания

¹ См.: В. И. Ленин, О значении воинствующего материализма, Полн. собр. соч., 45, стр. 23—33. Об актуальности этого философского завещания Ленина см. № 3 журнала «Вопросы философии» за 1972 г., посвященный 50-летию работы «О значении воинствующего материализма», особенно передовую «Философские заветы В. И. Ленина и современность».

На важность идеологической борьбы с чуждыми марксизму течениями в языкознании указывал еще А. В. Луначарский в предисловии к кн. Р. О. Шор «На путях к марксистской лингвистике» (М.—Л., 1931). См. также: Е. Д. Поливанов, Проблема марксистского языкознания и языкологическая теория (тезисы доклада), в его кн.: «Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 176; В. В. Виноградов, Развивать советское языкознание на основе марксистско-ленинской теории, Пр. 6 VI. 50.

² См.: Н. П. Федосеев, Итоги XV Всемирного философского конгресса, ВФ, 1973, 12. Против попыток деидеологизации науки вообще и языкознания в частности активно выступают и ведущие советские языковеды. См.: Ф. П. Филин, О некоторых философских вопросах языкознания, в кн.: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970; его же, Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания, ВЯ, 1965, 2; Р. А. Будагов, Человек и его язык. М., 1974; В. И. Абаев, Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке, ВЯ, 1965, 3; его же, Языкознание — общественная наука, «Русская речь», 1971, 5.

и филологии закономерно ведет к выхолащиванию гуманитарной, «человеческой» сущности языкознания и к исключению его из комплекса гуманитарных наук вообще.

То, что такой подход в последнее время получил довольно широкое распространение, объясняется, по нашему мнению, следующими основными причинами.

1. Поскольку каждое конкретное лингвистическое исследование в советском языкознании строится на основополагающих принципах диалектического и исторического материализма, авторы таких исследований часто ошибочно полагают, что этим и должна ограничиваться их связь с философскими и идеологическими проблемами. Между тем необходимо, чтобы результаты анализа конкретного языкового материала получали бы и философское осмысление, т. е. конкретное лингвистическое исследование затем преломлялось бы через призму марксистско-ленинской философии. Понятно, что имеется в виду не введение в работу отдельных фраз и цитат из классиков марксизма-ленинизма, а последовательное применение принципов марксистско-ленинской диалектики в языковедческих исследованиях ³.

Очень жаль, что оказалась незаслуженно забытой традиция, начало которой было положено на заре советского языкознания, в 20—30-е годы, в работах В. В. Волошинова «Марксизм и философия языка» (Л., 1929), Р. О. Шор «На путях к марксистской лингвистике» (М.—Л., 1931) и особенно в книге Е. Д. Поливанова «За марксистское языкознание» (М., 1931), где была сделана попытка не только определить задачи и характер деятельности лингвистов-марксистов, но и показать, что марксистское языкознание представляет собой новый, качественно высший этап в развитии науки о языке.

Недостаточное внимание к проблемам «лингвистического мировоззрения» наглядно проявляется в том, какое место отводится вопросам общественной сущности языка и марксистскому подходу к исследованию языковых явлений в курсе введения в языкознание. В то время как в первых советских учебниках (например: Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, М., 1945; Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, М., 1953; А. С. Чикобава, Введение в языкознание, М., 1953) эти проблемы представлялись как центральные, стержневые, и на них строился весь курс, в новейших учебниках и пособиях они оказались как бы отодвинутыми на второй план, а основное внимание сосредоточено на собственно, или узко лингвистических проблемах, трактуемых вне связи с их общественной и идеологической значимостью ⁴.

Такое положение вещей нуждается в коренном пересмотре. При этом пересмотр не должен быть формальным, он должен затрагивать не только чисто количественное, пропорциональное соотношение «микро» и «макролингвистических» проблем в курсе введения в языкознание, но и предусматривать изменение всего построения курса. По-видимому,

³ Попутно следует заметить, что назрела необходимость переиздания сборников высказываний классиков марксизма-ленинизма о языке, которые давно стали библиографической редкостью. Мы имеем в виду такие работы, как: Т. Л о м т е в, Я. Л о я, Ленинская хрестоматия о языке, М.—Л., 1932; «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления», Л., 1933; Б. В. Я к о в л е в, Классики марксизма-ленинизма о языке и стиле, в кн.: «Язык газеты. Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников», М.—Л., 1941.

⁴ См., например: Э. Б. А г а я н, Введение в языкознание, Ереван, 1959; В. Н. П е р е т р у х и н, Введение в языкознание. Курс лекций, Воронеж, 1973. Еще более показателен в этом отношении учебник «Основы языкознания» Ю. С. Степанова (М., 1966), где вопросы, связанные с социальной сущностью языка, его человеческой природой, вообще не рассматриваются.

следует не н а ч и н а т ь с философского обобщения языковых явлений, а наоборот, идти от конкретных языковых фактов к выведению (на основе их теоретического осмысления) категорий марксистского языкознания. Иными словами, марксистское философское обобщение языковедческих проблем должно не предварять курс в виде некоторых общих положений, которые по сути дела никак не связаны с последующим, уже «чисто лингвистическим» изложением, а напротив, являться его логическим завершением, вооружающим будущих лингвистов подлинной научной, передовой методологией исследования. Именно такое построение курса в свое время отстаивал выдающийся советский лингвист Е. Д. Поливанов, создавая принципиально новый тип учебника по м а р к с и с т с к о м у языкознанию⁵.

Необходимость такой перестройки диктуется еще и особой важностью курса «Введение в языкознание», который должен служить методологическим фундаментом всех последующих лингвистических курсов⁶.

2. Слишком мало работ, специально посвященных разбору и оценке с марксистско-ленинских позиций новейших направлений и школ в современной зарубежной лингвистике. Это приводит к тому, что некоторые лингвисты, не будучи в состоянии дать правильное материалистическое истолкование того или иного направления, некритически используют методы и приемы исследования, которые по своей гносеологической сущности неприемлемы и даже открыто враждебны марксистскому языкознанию.

3. Неправильное понимание роли и задач гуманитарных наук, их участия в научно-технической революции выражается в искусственном перенесении в них методов, характерных для технических и естественнонаучных дисциплин, в стремлении развить их по образу и подобию точных наук. Это ведет к возрастанию формализации гуманитарных наук, в частности языкознания, где в связи с этим возникает реальная опасность п р е у в е л и ч е н и я роли лингвистической абстракции, ложного представления о том, что сама эта абстракция есть лишь чистый продукт человеческого мышления, якобы не имеющий никакой связи с конкретной действительностью⁷. При таком подходе языкознание начинает ошибочно пониматься как чисто дедуктивная наука, и предметом его изучения в этом случае является уже не «человек и его язык», а некие гипотетические построения, якобы раскрывающие общие логические закономерности функционирования «языкового механизма».

*

Для того чтобы показать, что филологическая сущность языка, его связь с человеком — его носителем — неизменно обнаруживается во всех языковых проявлениях, мы обратились к словообразованию: имен-

⁵ См.: Е. Д. П о л и в а н о в, Введение в языкознание для востоковедных вузов. I, «Уч. зап. [Ленингр. восточного ин-та им. А. С. Енукидзе]», 31, 1928, стр. V.

⁶ См. по этому поводу: А. А. Р е ф о р м а т с к и й, Курс «Введение в языкознание» на филологических факультетах университетов и на литературных факультетах педагогических институтов, ВЯ, 1952, 4; Р. А. Б у д а г о в, К постановке курса «Введение в языкознание» в высшей школе, там же; М. Н. П е т е р с о н, Задача курса «Введение в языкознание», ВЯ, 1953, 4.

⁷ Философское обоснование этих процессов дается в книге «Диалектика познания и современная наука» (М., 1973); см. особенно: М. М. Р о з е н т а л ь, Теория познания и наука, их взаимодействие, стр. 4—59; а также: «Проблемы философии и методологии современного естествознания» («Труды II Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина»), М., 1973 (см. особенно доклады В. А. Амбарцумяна и В. В. Казютинского, П. В. Кошкина, Б. М. Кедрова, А. И. Берга, А. Г. Спиркина); П. В. К о ш к и н, Диалектика, логика, наука, М., 1973 (см. особенно Раздел II — Вопросы гносеологии и логики научного познания; Раздел III — Мышление и язык).

но этот раздел языкознания, как нам кажется, позволяет наиболее наглядно продемонстрировать соотношение формального и филологического подходов к явлениям языка. В последнее время получил широкое распространение взгляд, согласно которому изучение словообразовательных отношений должно состоять в чисто формальном, структурном рассмотрении той или иной словообразовательной модели. В этом случае словообразовательная продуктивность понимается как «динамический стереотип», «работающий в языке», как регулярное воспроизведение некоторой структурной модели, как механическое соединение в речи морфем согласно некоторому набору правил.

Из сказанного отнюдь не следует, что попытки структурного моделирования должны быть совсем изгнаны из языкознания. Однако нельзя считать, что им принадлежит ведущее место в словообразовательном исследовании. В этой связи нельзя не отметить, что в недавно вышедшем коллективном труде Института языкознания АН СССР «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» словообразование рассматривается как «особая область языкового моделирования», и основной задачей лингвиста в этой области считается «изучение закономерностей и особенностей словообразовательного моделирования (конструирования вторичных образований, выражающих словообразовательное значение)»⁸.

Однако такой подход к словообразованию, фактически игнорирующий социальный фактор в языке, отбрасывающий его как ненужную обузу, не дает ответа на некоторые очень важные вопросы. Как влияет общественная, человеческая природа языка на функционирование словообразовательных единиц? Каково соотношение между абстрактной, инвариантной моделью и конкретными случаями ее реализации? Какие факторы в естественном языке могут помешать реализации в речи словообразовательной модели? Кто, в какой ситуации, с какой целью реализует модель в речи, создает окказиональные слова на ее основе?

При более детальном рассмотрении формалистические методы оказываются неприемлемыми для нашего исследования, ставящего цель взглянуть на словообразовательные факты с точки зрения человека, их использующего. Признавая всю важность структурного изучения зафиксированных в языке лексических единиц, моделирования словообразовательных гнезд, анализа организации словообразовательных рядов и т. п., мы тем не менее преследуем другую задачу: попытаться понять словообразование как процесс, как ж и в о е свойство ж и в о г о человеческого языка.

Где же, в таком случае, следует искать метод исследования? Действительно, имеется ли в распоряжении советского языкознания свой метод анализа и исследования языка? И если имеется, то где, в каких работах можно найти его последовательное описание? Таким образом, проблема приобретает методологическое значение, и лингвист, занимающийся конкретными вопросами словообразования, оказывается перед необходимостью решить, какой путь избрать, чем руководствоваться при выборе метода.

Всем хорошо известно важнейшее положение В. И. Ленина о том, что объективное познание истины предполагает движение «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него — к практике». Хотя это высказывание является теоретической и методологической установкой самого общего характера, оно имеет и конкретно-научное значение и находит практическое применение в любой науке, в том числе и в лингви-

⁸ «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 350.

стике. Как показывают традиции русского и советского языкознания, при исследовании любых явлений языка начинать надо именно с «живого созерцания», с наблюдения и скрупулезного изучения реальных языковых фактов, а не с описания категорий и понятий. Напротив, сами эти категории и понятия следует оценивать, исходя из того, насколько они соответствуют фактам живого языка. Необходимость такого подхода применительно к лингвистическому исследованию неоднократно подчеркивалась Л. В. Щербой, который в частности писал: «с и м е ш и о (разрядка наша. — О. А., И. К.) спрашивать: „что такое предложение?“ (в данном случае вместо „предложение“ можно поставить „словообразовательная модель“ или любое другое лингвистическое понятие. — О. А., И. К.). Надо установить прежде всего, что имеется в языковой действительности в этой области...»⁹.

Таким образом, любое теоретическое положение или учение должно исходить из языковой реальности и опираться на нее; в противном случае его следует отнести к области «лингвистической мифологии»¹⁰. На принципиальную важность именно такого направления исследования для марксистского языкознания указывал Е. Д. Поливанов: «... всякая наука, претендующая на участие в создании реалистического и, в частности, марксистского миропонимания, должна вытекать из фактического материала, а не сводиться к нескольким общим положениям, не связанным с конкретными фактами данной области явлений»¹¹.

Проведенное нами исследование английских производных слов показало, что наблюдаемые факты не укладываются в рамки привычных, известных представлений и категорий. Дело в том, что, согласно концепции Л. В. Щербы, правила сложения смыслов дают не сумму смыслов, а новые смыслы¹². Это наводит на мысль о том, что и в производных словах существует о с о б о е соотношение между основой, аффиксом и словообразовательной моделью, которое не может быть объяснено только их структурно-семантическим описанием. Если мы понимаем совокупное содержание производного слова только как сумму значений (или смыслов) аффикса и основы, то остаются нераскрытыми богатейшие возможности, тающиеся в самом процессе словообразования. А ведь каждое новое слово заставляет нас вдумываться в то, что кроется за ним, заставляет вдумываться в то, как выражается в языке человеческая мысль¹³.

Для исследователя, обладающего этим умением вдумываться, производное слово предстает как концентрированное выражение человеческой мысли, сообщаемое гораздо больше, чем обнаруживается при его поверхностном восприятии. Прекрасным примером такого анализа содержания производных слов могут служить тонкие и вдумчивые замечания А. М. Пешковского по поводу слов *желток*, *белок*: «Первая принадлежность этих слов означает определенный цвет, вторая означает „предмет, обладающий этим цветом“, третья (здесь по звукам отсутствующая, так называемая

⁹ Л. В. Щ е р б а, Очередные проблемы языковедения, в его кн.: «Избр. работы по языкознанию и фонетике», I, Л., 1958, стр. 9—10.

¹⁰ См. об этом: В. А. Б о г о р о д и ц к и й, Этюды по психологии речи, в его кн.: «Очерки по языковедению и русскому языку», 4-е изд., М., 1939, стр. 147.

¹¹ Е. Д. П о л и в а н о в, Проблема марксистского языкознания и языкологическая теория (тезисы доклада), в его кн.: «Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 176.

¹² См.: Л. В. Щ е р б а, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», I, 1931, стр. 68; ср.: Б. А. Л а р и к, О разнообразии художественной речи. Семантические этюды, сб. «Русская речь», I, Пг., 1923, стр. 68—69.

¹³ См. об этом: Л. В. Щ е р б а, Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики, М.—Л., 1947, стр. 43. Ср.: И. И. С р е з н е в с к и й, Замечания о первоначальном курсе русского языка, СПб., 1899, стр. 17—20.

„отрицательная“) — общую предметность, единичность и т. д. Но где та принадлежность, которая обозначает „желтое (или белое) вещество яйц а“? Что у суффикса *-ок* не может быть такого специфически-„яичного“ смысла, ясно из того, что смысл всякого суффикса общий, а это значение является только в этих двух словах русского языка. В принадлежностях „желт-“, „бел-“ тоже никакого указания на яйцо нет. Очевидно, этот смысл создается только индивидуальным соединением именно этих двух принадлежностей и не относится ни к одной из них в отдельности. Подобным же образом „сивяк“ обозначает не просто что-то синее, и даже не синий предмет, а синее пятно на коже, вызванное приливом венозной крови, „краснуха“ не просто красный предмет и даже не просто красную сыпь, а определенную болезнь, „варенуха“ не просто вареную пищу, а определенное кушанье и т. д., причем элементов этой специализации мы не найдем ни в одной из принадлежностей слова, а только в их соединении¹⁴.

Таким образом, еще А. М. Пешковский предостерегал лингвистов от соблазна избрать «путь наименьшего сопротивления», так как в этом случае анализ производных слов сводится к установлению мнимого изоморфизма между суммой значений компонентов производного слова и его общим содержанием. При этом игнорируется тот «элемент подразумеваемости», о котором говорил еще В. А. Богородицкий: «подразумевается (остается невыраженным, предоставляется догадливости слушателя, угадывается) отношение между представлениями, обозначаемыми обоими членами сложения»¹⁵.

Приведенное рассуждение А. М. Пешковского относится к самым обычным, простым, общеупотребительным словам, которые встречаются буквально на каждом шагу в обиходной речи. Однако тот материал, который составлял основу нашего исследования, далеко не ограничивался подобными словами. Если в таких производных, как *желток* или *белок*, совокупное содержание целого было как бы дано заранее, известно каждому носителю языка, то в нашем материале нередко встречались случаи, когда, прежде чем говорить о соотношении морфем в пределах единого слова, нужно было сначала определить, какое содержание вкладывается в это производное. Это часто представляло значительные трудности. В самом деле, как, например, определить, что значат такие английские образования, как *touch-me-not-ishness* [«The young ladies were pretty, their manners winning, their dispositions unexceptionable; but there was a dignity in the air, a *touch-me-not-ishness* in the walk, a majesty in the eyes of the spinster aunt, which distinguished her from any female on whom Mr. Tupman had ever gazed» (Ch. Dickens)]; *oniony*, *tobaccoey* [«I do hope there will be no *oniony* and *tobaccoey* smotherings in the form of embracings all round, going on in the streets» (Ch. Dickens)]; *bughood* [«How do you know he's a big bug?» — „Precisely“, said Psmith. „On what system have you estimated the size of the gentleman's *bughood*?“» (P. G. Wodehouse)].

По-видимому, такого рода производные слова нельзя рассматривать изолированно, искусственно вырвав их из контекста (в отличие от примера со словами *желток*, *белок*, где такой подход был вполне уместен). В этих случаях в рассмотрение обязательно должен включаться контекст, причем понимаемый в широком смысле, а не просто как узкое лингвистическое окружение, или дистрибуция данной лексической единицы. Такое понимание контекста предполагает рассмотрение условий, в которых осуществ-

¹⁴ А. М. Пешковский, Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Сборник статей, Л.— М., 1925, стр. 12—13.

¹⁵ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 5-е изд. М.— Л., 1935, стр. 95.

вляется данный акт речи, с точки зрения их воздействия на содержание этого речевого акта, его детерминированности особенностями данной культурной общности. Отсюда следует, что анализ образований, подобных приведенным выше, не может быть узко-, или микролингвистическим: он должен быть ф и л о л о г и ч е с к и м в широком смысле этого слова. Иными словами, такой анализ должен опираться на метод филологического истолкования текста, т. е. добывания из текста нужных сведений, который в традиции русского и советского языкознания справедливо рассматривается как метод универсальный, сохраняющий свою силу независимо от того, какую конкретную цель преследует изучение текста — лингвистическую, историческую, литературоведческую и т. д.¹⁶

К сожалению, хотя указания на ценность и плодотворность такого подхода встречаются в работах многих выдающихся русских лингвистов, до сих пор он слишком редко использовался при исследовании словообразовательных явлений как метод словообразовательного анализа¹⁷. Однако, по-видимому, именно такой метод дает наиболее плодотворные результаты при попытке раскрыть подлинную сущность новообразований, подобных приведенным выше. В преимуществах такого подхода нас еще раз убедил блистательный по тонкости и глубине проникновения в творческий замысел художника этюд известного русского филолога и литературного критика А. Г. Горнфельда «Об одной фамилии у Льва Толстого». Несмотря на то, что автор вовсе не ставил своей целью провести специальное словообразовательное исследование, его небольшая по размерам «филологическая зарисовка» дает несравненно больше для понимания истинной сущности словообразовательных процессов, чем многие работы, посвященные «выявлению структурно-типологических особенностей словообразовательных моделей», «описанию закономерностей словообразовательного моделирования» и т. п. И сделано это на материале одного слова, которое, по словам критика, выражает «целое мировоззрение. Надо быть Львом Толстым, надо быть громадным, стихийным художником, чтобы втиснуть в одно выдуманное словечко такую массу меткости, чтобы сделать одно прозвище так бесконечно выразительным, так характерным для того, кто его бросил, для его личности и для его среды»¹⁸.

В начале своего исследования автор делает то, что, употребляя современную лингвистическую терминологию, мы вправе были бы назвать «анализом по непосредственно составляющим», — дает подробное семантико-стилистическое описание составляющих слово компонентов. Однако он не ограничивается этим: следующий его шаг — обобщенная интерпретация того образного содержания, которое вкладывается писателем в избретенное им слово. При этом такая интерпретация не сводится к чисто лингвистическому толкованию. По глубокому убеждению критика, для полного понимания сложного содержания, вложенного Толстым в при-

¹⁶ См. об. этом: Г. О. В и н о к у р, О задачах истории языка, в его кн.: «Избр. работы по русскому языку», М., 1959.

¹⁷ Новейшие исследования в этом направлении, которые ведутся на материале русского языка (например: Н. М. Ш а н с к и й, Лексикология современного русского языка, М., 1972; Е. А. З е м с к а я, Современный русский язык. Словообразование, М., 1973; А. Г. Л и н к о в, Русское окказиональное слово. АДД, М., 1972; Эр. Х а н п и р а, Окказиональные элементы в современной речи, в кн.: «Стилистические исследования», М., 1972), успешно продолжают традицию, восходящую к известным работам: В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык, 2-е изд., М., 1972; Г. О. В и н о к у р, Маяковский — новатор языка, М., 1943; А. И. Е ф и м о в, Стилистика художественной речи, 2-е изд., М., 1961; А. Н. Г в о з д е в, Очерки по стилистике русского языка, М., 1965.

¹⁸ А. Г. Г о р н ф е л ь д, Об одной фамилии у Льва Толстого, в его кн.: «Муки слова», М.—Л., 1927, стр. 99.

думанное им новообразование, необходимо рассмотрение широкого социального контекста, тех экстралингвистических данных, которые, по-видимому, послужили толчком к созданию данного слова.

Такой или примерно такой филологический подход к изучаемому материалу был принят за основу в нашем исследовании. Следует заметить, что такой подход в нашем случае приобретает особое значение еще и потому, что мы имели дело с англоязычным материалом. Для английского языка в высшей степени характерно широкое и полное использование разветвленной системы словообразовательных средств, тенденции к выражению любой мысли, сколь бы сложной она ни была, в пределах одного слова, которое, по мнению носителей языка, обладает гораздо большими содержательными и экспрессивными возможностями, чем словосочетание. В основе создания очень многих производных и сложных слов английского языка лежит бессознательная убежденность говорящих в том, что сказанное многими или несколькими словами никогда не бывает столь же ярко, убедительно, «ёмко», никогда не передает так полно и глубоко всю мысль, как сказанное одним словом.

Неразработанность такой методики исследования производных слов потребовала введения некоторых новых категорий. Здесь необходимо вспомнить известное высказывание В. И. Ленина: «Перед человеком *сеть* явлений природы... категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»¹⁹. Категории языка — тоже ступеньки выделения, узловые пункты в сети явлений; их тоже нужно не произвольно и механически взять, а вывести. Поэтому нам пришлось, отталкиваясь от имеющегося материала и опираясь на те теоретические исследования, которые уже были проведены в этой области²⁰, вывести некоторые новые категории, из которых основной оказалась категория семантико-стилистической ёмкости. Название это, конечно, в значительной степени условно и не играет большой роли. Важно то, что эта категория помогает раскрыть глубину слова, его экспрессивных возможностей, помогает понять, что слово несет в себе или «таит» такие бездонные «глубины и ёмкости», такие бесконечные возможности соединения с другими словами, что нет предела его многозначности, многомерности, метафоричности, символичности.

Категория семантико-стилистической ёмкости не поддается обнаружению при использовании структурных методов исследования, поскольку они не могут и не ставят своей задачей раскрыть многомерность, метафоричность, символичность слова. Теоретическую основу выведения этой категории составляло учение В. В. Виноградова о поэтической функции языка, которая «опирается на коммуникативную, исходит из нее, но воздвигает над ней подчиненный эстетическим, а также социально-историческим закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений»²¹.

Приведем некоторые примеры использования словообразовательных средств в контексте словесно-художественного творчества: «...He imagined the plane to be full of glass-clinking, gentle chuckling and good-natured warmth; he wanted to leap right up on it, sure it was speeding to a rich,

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 85.

²⁰ См., например: Б. А. Ларин, Эстетика слова и язык писателя, Л., 1974; Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев, 1957; А. И. Ефимов, указ. соч.

²¹ В. В. Виноградов, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963, стр. 155; ср.: Г. О. Винокур, Понятие поэтического языка, в его кн.: Избр. работы по русскому языку, стр. 390.

green suburban *cocktail* place where hardly anyone ever „went“ » (B. J. Friedman).

Значение слова *cocktail* в этом отрывке никак нельзя определить по значению входящих в его состав морфем: это не „похожий на коктейль“ и не „содержащий коктейль“. То, как используется здесь прилагательное *cocktail*, представляет собой типичное проявление метасемiotической функции речи. В отличие от с е м а н т и ч е с к о й функции языковых единиц, когда данное содержание и данное выражение функционируют как диалектически единые, но д в е стороны слова, при выполнении словом м е т а с е м и о т и ч е с к о й функции его содержание и выражение вместе становятся выражением для нового м е т а с о д е р ж а н и я. В таких случаях, по словам В. В. Виноградова, «происходит семантическая метаморфоза лексемы путем выделения, создания и осознания таких оттенков ее значений, которые не входят в ее общеречевую характеристику»²².

В приведенном отрывке автор описывает переживания подростка, впечатлительного, легко ранимого, страдающего от постоянной бедности и потому завидующего людям, которые уверены в себе, которые обладают богатством и высоким социальным положением. Новообразование *cocktaily* употребляется для описания недоступного мальчику мира роскоши, комфорта, светских развлечений. По выразительности это прилагательное далеко превосходит обычное определение, приближаясь к эпитету. Оно гораздо «глубже», т. е. обладает гораздо большей семантико-стилистической ёмкостью, чем может показаться, если исходить только из значения основы и суффикса. Слово это было «изобретено» автором не только для того, чтобы с его помощью сообщить читателю некоторую информацию, но и для того, чтобы придать особую стилистическую выразительность всему отрывку.

В контексте «It is, without exception, I should say, the quaintest, most oldworld inn up the river... Its low-pitched gables and thatched roof and latticed windows give it quite a story-book appearance, while inside it is even still more *once-upon-a-timey*» (Jerome K. Jerome) окказиональное слово *once-upon-a-timey* используется Джеромом К. Джеромом при описании гостиницы, которой соломенная крыша и решетчатые окна придавали сказочный вид и от которой так и веяло стариной. Ассоциации, которые пробуждает у читателя это слово, связаны с наличием определенного фонового знания, поскольку словосочетание *once upon a time*, от которого это слово произведено, — это традиционный зачин английских народных сказок (вроде русского «жили-были»). В данном случае это словосочетание оформляется в сложное слово благодаря присоединению суффикса *-ify*, который, как правило, соединяется с основами латинского или французского происхождения, образуя глаголы со значением «производить действие, обозначенное основой» (*glorify* «прославлять», *intensify* «усиливать», *purify* «очищать», *petrify* «превращать в камень» и т. п.). Неожиданность «столкновения» в пределах одного слова как будто бы столь несходных, «несовместимых» словообразующих элементов еще усиливает семантико-стилистическую ёмкость новообразования, которое как нельзя более удачно передает ту поэтическую атмосферу старинных сказок и легенд, которой окутано здание старой гостиницы.

Рассмотренные примеры представляют собой крайнее проявление того, что было условно названо «семантико-стилистической ёмкостью», и, естественно, составляют меньшую часть исследованного материала. В большинстве случаев ёмкость производных слов оказывается значительно меньшей. Количественные различия в ёмкости анализируемых лексиче-

²² В. В. Виноградов, О художественной прозе, М.—Л., 1930, стр. 67.

ских единиц позволили нам говорить о различных степенях ёмкости, в соответствии со сложностью совокупного содержания, передаваемого через производное слово. В нашем случае таких ступеней оказалось пять, но, по-видимому, их конкретное количество зависит от исследуемого материала.

Чтобы пояснить, как проявляются различия в семантико-стилистической ёмкости, приведем примеры функционирования на всех пяти ступенях прилагательного с суффиксом *-y* (*chiffony*), поскольку именно эта модель подверглась особенно детальному рассмотрению²³:

I ступень ёмкости: *a chiffony dress* «платье из шифона или из материала, похожего на шифон». Значение прилагательного легко выводится из значений составляющих его морфем.

II ступень ёмкости: *...her arms, seen through the thin chiffony stuff...* Выделяется один из признаков, характерных для шифона, — прозрачность, и именно на этом признаке основывается сравнение: материал, прозрачный, как шифон.

III ступень ёмкости: *the chiffony look of her dress...* Прилагательное в данном контексте значит «легкий, воздушный (как шифон)» и выражает оценку.

IV ступень ёмкости: *a chiffony lady*. Здесь содержание прилагательного усложняется: это может быть и «женщина, одетая в шифон», и «женщина, одетая в легкое, воздушное платье». При этом оценка приобретает метасемиотический характер, и *chiffony* по выразительности приближается к эпитету, давая образную картину-характеристику предмета.

V ступень ёмкости: *It was one of those dressy, chiffony garden-parties*. Описание здесь отличается крайней степенью выразительности прежде всего за счет увеличения ёмкости производного прилагательного. *A chiffony garden-party* — это прием, на который женщины должны были являться в нарядных летних платьях, и поскольку нарядные летние платья обычно шьются из легкого шелка типа шифона, прилагательное *chiffony* очень удачно передает атмосферу праздничности, парадности, которой характеризовался данный прием. Признак, который в этом случае избирается для образного описания предмета, выделяется на явно ощущающейся социалингвистической основе.

Поскольку категории, обнаруженные в нашем материале, оказались очень разноплановыми, мы условно подразделяем их на «горизонтальные» и «вертикальные», имея в виду то, что они как бы пересекаются, накладываются друг на друга, образуя своего рода переплетение или сетку.

«Горизонтальный» план категоризации материала представлен категорией семантико-стилистической ёмкости. Она оказывается ведущей, так как дает возможность уловить те изменения, которые происходят при переводе лексической единицы, функционирующей на семантическом уровне, на уровень метасемиотический. Однако понимание сложного содержания, выражаемого производным словом, в большой степени зависит и от системы «вертикальных» категорий. К ним относятся: 1) категория принадлежности основы к определенной части речи; 2) категория принадлежности к тематической группе; 3) категория устойчивости — свободы; 4) категория перенесенного — неперенесенного эпитета; 5) категория мелиоративной — пейоративной оценки²⁴; 6) категория социалингвистической обусловленности. На последней следует остановиться подробнее:

²³ Более подробный материал приводится в кн.: «Patterns and productivity», ed. by Olga Akhmanova, М., 1973 (ротацион), стр. 9—48, особенно стр. 32—35.

²⁴ Подробно и на большом фактическом материале эти категории разбираются в работе: И. Е. Кривоша, Производные прилагательные со значением оценочной характеристики предмета через его признак. КД, М. 1973.

хотя эта категория часто неправомерно игнорируется исследователями, она, по-видимому, имеет большое значение и в той или иной форме проявляется при создании любых производных слов, независимо от конкретной модели. Дело в том, что в целом ряде случаев социалингвистическая обусловленность производных слов как бы выступает на первый план. Например, в следующем предложении: «... At the very bottom of his soul he was an outsider, and anti-social, and he accepted the fact inwardly, no matter how *Bond-Streety* he was on the outside» (D. H. Lawrence) — окказиональное слово *Bond-Streety* не может быть понято без обращения к экстралингвистической действительности. Для его понимания необходимо знать, что *Bond Street* является одной из центральных, самых оживленных улиц Лондона, на которой расположено много магазинов, в частности, знаменитые магазины мужского платья. Другими словами, необходимо совершенно ясно представлять себе, что отличает *Bond Street* от других лондонских улиц и почему автор может рассчитывать на филологически и социалингвистически точное восприятие окказионального прилагательного *Bond-Streety*.

Приведенный перечень выделенных нами категорий может создать неверное впечатление, будто они существуют отдельно друг от друга, изолированно, «в чистом виде». На самом деле это, конечно, не так. В одном и том же производном слове может проявляться несколько категорий одновременно, причем одна из них может быть наиболее отчетливо выражена, в то время как другие оказываются ей подчинены.

Казалось бы, такое употребление производных слов, о котором шла речь и к которому приложима категория «ёмкости», должно связываться (как это обычно и делается в исследованиях по стилистике и литературоведению) с высшими формами речи (в частности, с поэзией) и рассматриваться на примере творчества признанных художников слова. Однако подобное использование словообразовательных средств далеко не ограничивается только высшими формами речи, а находит применение и в повседневных ситуациях человеческого общения. Ведь, по известному определению В. И. Ленина, язык есть важнейшее средство человеческого общения, и связь языка и общества, которое его использует, проявляется на всех языковых уровнях. Хотя словообразование традиционно считается одним из наиболее формализованных аспектов языкознания, ни в одной другой области лингвистики не прослеживается так явно влияние социальных факторов на функционирование языковых единиц. Изучая словообразование, которое по определению оказывается связанным с созданием новых слов, лингвист не может обойтись без обращения к экстралингвистическим факторам. Этот подход, который сейчас называется «социалингвистическим» и бурно развивается в настоящее время, восходит не только к известным исследованиям советских лингвистов²⁵, но еще раньше — к корифеям отечественной лингвистической школы²⁶. Следуя этому принципу, можно считать, что конкретный материал может быть проанализирован лингвистически, только если он поставлен в связь с общественными явлениями, особенностями жизни данного языкового коллектива, возрастными, социальными, имущественными отношениями и

²⁵ См., например: Е. Д. Поливанов, За марксистское языкознание, М., 1931; А. М. Селищев, Язык революционной эпохи, М., 1928; Р. А. Будагов, Развитие французской политической терминологии в XVIII веке, Л., 1940, и др.

²⁶ О прямой связи языка с обществом, которое его использует, см.: И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, М., 1959; Ф. Фортунатов, Избранные труды, I, М., 1956; И. А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, I, М., 1963; А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I — Исторический процесс образования русских племен и наречий, Пг., 1916; М. М. Покровский, Избранные работы по языкознанию, М., 1959.

положением говорящих. Особую важность приобретает вопрос: кто же «делает» слова, кто занимается словотворчеством на основе той или иной модели?

Таким образом, возникает вопрос о творческом аспекте языка, который приобретает тем большее значение, что решение его находится в прямой зависимости от исходных методологических позиций исследователя, в частности, от того, как понимается им соотношение между языком и речью. Вполне понятно, что распространяющиеся теперь биологические интерпретации языка и разнообразные идеалистические положения о врожденности идей и т. п. глубоко чужды марксизму. Как явствует из работ классиков языкознания, соотношение языка и речи предстает как бесконечно сложное явление, которое, безусловно, не может быть сведено к набору формализованных, логически простых правил, априористически описываемых на основе универсальных синтаксических и семантических схем. Язык не просто «порождает» речь; он сам развивается и обогащается под ее влиянием, и это развитие, обогащение, обновление языка не в последнюю очередь происходит за счет возникновения лексических и словообразовательных инноваций, которые появляются первоначально в речи отдельных говорящих и которые могут затем быть приняты или отвергнуты языком прежде всего в зависимости от того, насколько их создание соответствует нуждам и потребностям языкового коллектива. Поэтому утверждение представителей структурализма, будто вновь создаваемые производные слова могут реализоваться в речи л ю б о г о члена языковой общности, или, говоря словами М. Юнга (шведского лингвиста, который кладет в основу словообразовательного исследования принципы порождающей грамматики), будто говорящие «свободно генерируют такие производные в соответствии с некоторым набором правил»²⁷, является неверным. Как показывают исследования классиков русского и советского языкознания, большинство носителей языка в стандартных ситуациях общения ограничивается запоминанием и воспроизведением таких слов, которые уже до них были образованы и приняты языковым коллективом. Уместно привести здесь следующее замечание Л. В. Щербы: «Языковая сокровищница является неиссякаемым запасом всяких готовых мыслей, готовых шаблонов, фраз, образов и оборотов, и охотно снабжает ими своих клиентов, которые в большинстве случаев просто повторяют слышанное». Л. В. Щерба находит это вполне естественным: «Человеку в процессе повседневного общения нет времени для особого языкотворчества, и он в громадном большинстве случаев пользуется готовыми фразами»²⁸.

Следует подчеркнуть, что такое понимание творческого аспекта речевой деятельности в русском языкознании имеет давнюю традицию и восходит к известным трудам И. И. Срезневского, который говорил о существовании в языке двух постоянно взаимодействующих сил: «силы живящей» и «силы сохрнительной», и следующим образом разъяснял действие последней: «Как бы ни хорошо кто владел своим природным или чужим усвоенным языком, очень многие из приемов выразительности, которыми он может пользоваться при употреблении этого языка, не подчиняются его свободной воле ни на сколько... Он пользуется по требованию закона предания готовыми словами, готовыми условиями их образования и ви-

²⁷ M. L j u n g, English denominal adjectives, «Gothenburg studies in English», 21, 1970, стр. 14.

²⁸ Л. В. Щ е р б а, Литературный язык и пути его развития, в его кн.: «Избр. работы по русскому языку», М., 1957, стр. 134. Ср.: В. В. В и н о г р а д о в, Современный русский язык, М., 1938, стр. 121; М. Г о р ь к и й, Собр. соч., 29, М., 1955, стр. 259—260.

доизменения, их сочетания и сообразования, очень многими выражениями; может все это усваивать простым навыком, поддерживать памятью, прилагать деятельность ума только чтобы управлять ею, а волю, по внушению ума или вкуса, только для того, чтобы из готового выбирать самое пригодное»²⁹. Применение этих положений к конкретному исследованию показало, что, действительно, словотворчество в сфере тех или иных словообразовательных моделей характеризует речь не всех, а лишь некоторых социально-возрастных групп говорящих, в частности, молодежи, принадлежащей либо к средним слоям, либо к высшим группам общества³⁰.

*

Таков в общих чертах был ход данного исследования. Если теперь попытаться взглянуть на него с точки зрения теории и метода, возникает вопрос: можно ли считать его чисто эмпирическим, лишенным каких бы то ни было абстрактных построений и обобщений, не выходящим за рамки простого собирания фактов? Или в этом случае эмпирика и теория, индукция и дедукция оказываются взаимосвязанными, взаимообусловленными, составляют диалектическое единство³¹?

По-видимому, можно сказать, что данное исследование протекало как бы в трех плоскостях: от конкретно наблюдаемых фактов оно поднималось к лингвистической теории, которая представлена в трудах классиков, основоположников русского и советского языкознания (и таким образом достигалось теоретическое осмысление этих фактов)³², а затем — к философии диалектического материализма, составляющей общетеоретическую и общеметодологическую основу всякой частной науки. Однако на этом процесс не останавливался, а лишь шел как бы в обратном направлении: от общеметодологических положений диалектического и исторического материализма к лингвистической теории, а затем теоретическое осмысление языковых фактов вновь проверялось эмпирически на самих этих фактах, на практике. И по-видимому, из этой цепи нельзя выбросить ни одного звена³³. Простое собирание фактов, без какого-либо теоретического их осмысления, приводит к грубому эмпиризму, а «грубый эмпиризм, — как писал К. Маркс, — превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон»³⁴. Но, с другой стороны, преувеличенное внимание к теории в ущерб фактам может привести к полному забвению языковой действительности, к отрыву от самого предмета лингвистики — языка, во всей его сложности и многообразии. Мы сознательно

²⁹ И. И. Срезневский, *Замечания об образовании слов из выражений*, «Зап. имп. Акад. наук», 22, СПб., 1873, стр. 243.

³⁰ Ср.: Е. В. Розен, *Новое в лексике немецкого языка*, М., 1971, стр. 61—62; 158—165.

³¹ О соотношении индукции и дедукции в языкознании см.: И. А. Бодуэн де Куртене, указ. соч., стр. 9; Н. В. Крушевский, *Предмет, деление и метод науки о языке* (прибавление к кн.: «Очерки по языковедению», II — Антропология, под ред. В. А. Богородицкого, Варшава, 1893, стр. 48).

³² Такой путь соответствует марксистской методологии исследования: по словам В. И. Ленина, «чтобы понять, нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 187).

³³ Об опасности вырывания отдельных звеньев из цепи «... → эмпирия → теория...» см.: Е. П. Никитин, *Формирование теоретического мира*, в кн.: В. С. Грязнов, В. С. Дыкин, Е. П. Никитин, *Теория и ее объект*, М., 1973, стр. 58—59.

³⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, 26, ч. 1, М., 1962, стр. 64.

стремились избежать именно этой опасности, против которой в свое время предостерегал И. А. Бодуэн де Куртене, говоря о резонирующем, умствующем, априористическом, ребяческом направлении в лингвистике: «Люди этого направления... придумывают известные начала, известные априористические принципы как в общем, так и в частности, и под эти принципы подгоняют факты, поступая с ними крайне бесцеремонно... Здесь источник всевозможных бесчисленных произвольных объяснений и выводов, не основанных на индукции и свидетельствующих иногда об отсутствии здравого смысла у их виновников». Лингвистические системы, построенные на логических схемах, «могут представлять более или менее удачные измышления ученых умов, произведения логического искусства, отличающиеся гармонией и стройностью; но, населяя и искажая факты на основании узкой теории, они ни более и ни менее, как воздушные замки...»³⁵. Те или иные теоретические построения безусловно необходимы для того, чтобы с их помощью имеющиеся факты получили должное освещение. Однако теории могут меняться или развиваться в соответствии с дальнейшим прогрессом науки, а факты, обнаруженные при их содействии, остаются³⁶.

Все, сказанное до сих пор, относилось прежде всего к проведенному авторами конкретному словообразовательному исследованию. Однако, по-видимому, те ступени, через которые проходило данное исследование, характерны для научного исследования вообще и отражают необходимые этапы развития любой науки. Всякая научная дисциплина или ее отрасль развивается на трех уровнях: эмпирическом, теоретическом и общетеоретическом. Очень жаль, что даже некоторые советские лингвисты склонны забывать о необходимости такого триединства, диалектического объединения этих трех уровней.

На современном этапе развития языкознания все чаще встречаются попытки искусственно выдвинуть на первый план теоретический уровень и противопоставить его уровню эмпирическому, объясняя это отсутствием в лингвистике адекватной теории. При этом, по-видимому, предполагается, что лингвистическую теорию можно создать одним абстрактным, умозрительным теоретизированием или размышлением, опираясь лишь на логическую силу ума и используя языковой материал в лучшем случае как отправную точку для рассуждений, построенных по всем правилам логической науки. В задачу такой теории, которая нередко мыслится как «глобальная», «всеобъемлющая», и потому противопоставляется всем существовавшим доселе «узким», «частным», «специальным» лингвистическим теориям, входит объяснение закономерностей функционирования языка, раскрытие природы того языкового механизма, или «порождающего устройства», который, по мнению представителей этого направления, лежит в основе любого вида языковой деятельности.

Задача эта, что и говорить, не из легких. Теории такого рода до сих пор действительно не было создано в лингвистике. Более того, мы позволим себе высказать предположение, что такая теория вряд ли и будет когда-либо создана. И то, что стремление к всеобъемлющему априоризму не реализовалось до сих пор даже в трудах наиболее выдающихся языковедов, объясняется до слабой лингвистической науки, а принципиальным несоответствием этой задачи задачам языкознания. Лингвистика не может и не должна пытаться своими средствами «объяснить» язык; ее задача состоит в том, чтобы анализировать языковые факты и таким обра-

³⁵ И. А. Бодуэн де Куртене, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, в его кн.: «Избр. труды по общему языкознанию», I, М., 1963, стр. 54—55.

³⁶ Ср.: Б. М. Эйхенбаум, Мелодика русского лирического стиха, в его кн.: «О поэзии», Л., 1969, стр. 509.

зом способствовать изучению природы и функций естественных человеческих языков³⁷.

Вывод о том, что «объяснительная» теория языка и не может быть создана в рамках лингвистики, естественно вытекает из взгляда на язык как на одну из самобытных семиологических систем, являющуюся основным и важнейшим средством общения членов данного языкового коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п. Если исходить из этого определения языка, становится понятно, почему лингвистика не может не включаться в комплекс гуманитарных, а точнее — филологических наук, в круг дисциплин «человековедения»³⁸. Ведь «филология, если понимать ее в настоящем смысле, наука по преимуществу человеческая, humanior: мы хотим знать человечество; а чтобы узнать его, важнее всего узнать его духовную жизнь, его мыслительность, следовательно, язык, потому что ни в чем так полно, так глубоко не выражается мыслительность и духовная жизнь человека, как в языке»³⁹.

Отличительной чертой русского и советского языкознания всегда являлось понимание тесной взаимосвязи между языком и человеком, который этот язык использует. Поэтому ведущие языковеды вновь и вновь подчеркивали мысль об «общественности» языка. Уместно в этой связи напомнить, какую глубокую озабоченность высказывал Л. В. Щерба в связи с создавшимся в языкознании положением, когда лингвисты слишком увлеклись оперированием различными абстракциями, оставив живой язык вне рассмотрения. Л. В. Щерба видел реальный выход из этого положения в том, чтобы «возвратиться к филологии, к любви к языку, как к средству выражать наши мысли и чувства»⁴⁰. При этом он еще раз подчеркивал неразрывную связь между языком и человеком — его носителем: «Я же зову любить, наблюдать и изучать человека... как единственного истинного носителя языка, как выразительного средства»⁴¹. Традиции такого подхода к лингвистике и ее объекту — языку — развиваются и сейчас в работах ведущих представителей советского языкознания.

Уже из сказанного видно, что при обсуждении того, какими путями должно вестись лингвистическое исследование, приходится выйти за рамки чисто лингвистических рассуждений и углубиться в рассмотрение методологических и шире — мировоззренческих вопросов. То, что именно эти вопросы сейчас вновь оказываются в центре внимания, отчасти мож-

³⁷ Сходная мысль выражена в недавней работе Р. А. Будагова: «Дело в том, что лингвистика нуждается не в теории вообще, ... а в теории, помогающей понять природу языка, его функции и категории, в теории, способствующей лучшему осмыслению прежде всего естественных языков народов мира во всей их сложности, во всем их многообразии» (Р. А. Б у д а г о в, [рец. на кн.:] В. А. Звегинцев, Язык и лингвистическая теория, ВЯ, 1974, 1, стр. 128). Ср.: Г. О. В и н о к у р, Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике, ВЯ, 1957, 2.

³⁸ См.: Е. Д. П о л и в а н о в, Введение в языкознание для востоковедных вузов, I, стр. V.

³⁹ И. И. С р е з н е в с к и й, Мысли об истории русского языка, М., 1959, стр. 94.

⁴⁰ Сходная мысль высказывалась Г. О. Винокуром в его книге «Культура языка» (М., 1929, стр. 85—86).

⁴¹ Л. В. Щ е р б а, О задачах лингвистики, ВЯ, 1962, 2, стр. 98. По словам Р. А. Будагова, «только тогда, когда ученый осознает подлинно историческую природу языка и его подлинно человеческую (гуманитарную) сущность, перед ним открываются широкие возможности изучения и других сторон языка, его разнообразных функций» (указ. соч., стр. 130).

но объяснить тем фактом, что итоги последнего периода в развитии лингвистической мысли (утрата структурализмом своих позиций, серьезная критика генеративной лингвистики, неудачи машинного перевода) привели к тому, что зарубежная лингвистика оказалась в состоянии некоторого разброда. Такое положение дел в известной степени сказалось и на некоторых направлениях советской лингвистики: в определенной части работ авторы в погоне за наиболее точными, рациональными, непротиворечивыми и т. д. методами лингвистического описания, исходили из молчаливого предположения о том, что сами эти методы существуют как бы в вакууме, в полной изоляции и вне связи с общеметодологическими позициями и мировоззрением исследователя. Между тем необходимо постоянно помнить важнейшее ленинское положение о значении для науки «в он и с т в у ю щ е г о материализма». «... мы должны понять, — писал В. И. Ленин, — что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания»⁴².

Поэтому в настоящий момент особую остроту приобретает тезис о неразрывном единстве теоретических и общеметодологических, общеполитических установок, тезис марксистского языкознания, понимаемый, конечно, не в вульгарно-социологическом плане, а так, как понимали его замечательные советские языковеды Е. Д. Поливанов, В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский и др. Именно такую традицию следует всемерно углублять и развивать в языковедческих исследованиях.

В заключение хотелось бы сказать, что длинные выдержки из работ разных лингвистов были приведены не для того, чтобы «прикрыться защитной броней непробиваемых цитат». С их помощью мы стремились показать, что теоретическую основу конкретного языковедческого исследования можно и нужно искать в трудах классиков русского и советского языкознания, представляющих собой наивысшее достижение лингвистической теоретической мысли. Нисколько не умаляя достижений зарубежной лингвистической науки, мы все же позволим себе еще раз подчеркнуть особую важность и необходимость шире пропагандировать теоретическое наследие классиков русского и советского языкознания⁴³. Общеметодологическую же и общеполитическую основу лингвистики, как и других частных наук, составляют принципы диалектического и исторического материализма, сознательное овладение которыми обеспечивает ученым наибольший успех в специальных областях научного исследования.

⁴² В. И. Л е н и н, О значении воинствующего материализма, стр. 29—30. О том, как сам В. И. Ленин блестяще применял принцип «воинствующего материализма» при анализе событий, происходящих в обществе и науке, см.: Б. М. К е д р о в, Из лаборатории ленинской мысли. (Очерки о «Философских тетрадях» В. И. Ленина), М., 1972.

⁴³ К сожалению, до сих пор остаются справедливыми слова Л. В. Щербы: «Не могу... не посоветовать на своих соотечественников, которые признают идеи, лишь снабженные заграничной маркой» (Л. В. Щ е р б а, Очередные проблемы языковедения, в его кн.: «Избр. работы по языкознанию и фонетике», I, стр. 14). Ср. также: Е. Д. П о л и в а н о в, Статьи по общему языкознанию, М., 1968, стр. 184—185.

Такое положение отчасти объясняется тем, что многие работы выдающихся русских и советских языковедов давно не переиздавались и практически недоступны широкому читателю. Поэтому особенно приятно отметить появление новой «Хрестоматии по истории русского языкознания», составленной Ф. М. Березиным, под ред. Ф. П. Филина (М., 1973), в которой извлечения из основополагающих работ классиков русского языкознания сопровождаются комментариями и критическим разбором их концепций.